

Михаил Петрович Арцыбашев

Из подвала

Михаил Арцыбашев

Из подвала

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Из подвала / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«Сапожник Антон стоял, сгорбившись и опустив длинные корявые, как корни, руки, а заказчик, молодой купеческий приказчик, сытый и гладкий, тоже стоял посреди подвала, среди обрезков кожи, колодок и рваных сапог, ожесточенно размахивал руками и кричал на Антона...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Михаил Петрович Арцыбашев

Из подвала

I

Сапожник Антон стоял, сгорбившись и опустив длинные корявые, как корни, руки, а заказчик, молодой купеческий приказчик, сытый и гладкий, тоже стоял посреди подвала, среди обрезков кожи, колодок и рваных сапог, ожесточенно размахивал руками и кричал на Антона:

– Это черт знает что такое!.. Левый сапог жмет, а правый хлябает! Разве это сапоги... это черт знает что, а не сапоги!..

Он тыкал сапогами, подошвами вверх, чуть не в самое лицо Антона, и в его неестественно напряженном голосе ясно слышалось желание повеличаться и покуражиться.

– Нет... вот походишь ты у меня за деньгами... Ты... – крикнул приказчик, нелепо взмахнув руками, и нерешительно, но с злобным удовольствием прибавил: – Скотина!

И от удовольствия и боязни весь налился кровью, так что толстая короткая шея его совсем слилась с красным галстуком.

Антон молча переложил шило из правой руки в левую и тяжело вздохнул.

В подвале было совсем темно, и воздух, густой и тяжелый, висел синим пологом. Под потолком и по углам стоял сырой, пропитанный запахом кожи, ворвани и ваксы пар. Фигура Антона только черным востроугольным силуэтом вырисовывалась на светлом четырехугольнике окна.

– Так и знай! – крикнул заказчик и сердито, но довольно пыхтя, пошел из подвала, осторожно нагибая голову, чтобы не стукнуться о притолоку новеньким твердым котелком.

Антон проводил его до дверей, отворил дверь и даже попридержал ее, пока приказчик подымался по склизкой и крутой лесенке. Потом еще тяжелее вздохнул и вернулся вниз.

Хотя на дворе было еще совсем светло, но в подвале все утонуло в сизом полумраке, так что только возле окна виден был тощий горшок с давним, еще прежними хозяевами посаженным луком, который торчал одной чахлой и сухой соломинкой. Антон часто внимательно смотрел на это жалкое, бледное растение, умиравшее медленной смертью от недостатка воздуха и солнца, и почему-то жалел выбросить его на двор.

Антон стал заправлять лампочку, неловко чиркая тоненькими спичками и все тяжело вздыхая.

Вздыхал он не о том, что его только что обругали и тыкали в лицо сапогами. И то и другое было так привычно ему, что вряд ли он помнил это подробно. Все заказчики на всякие лады ругали его, швыряли сапоги, иногда и били, а чаще не платили денег. Все это были люди маленькие, до такой степени зависимые, забитые и скучные, что у них была органическая потребность хотя изредка, в свою очередь, на кого-нибудь покричать, над кем-нибудь покуражиться, почувствовать себя выше хоть кого-нибудь. И сам Антон сделал бы то же самое, если бы и от него кто-либо зависел так, как он ото всех. А потому, хотя и бессознательно, Антон чувствовал, что иначе и быть не может, и все должны ругаться, куражиться и драться, чтобы маленькая звериная злоба, сидящая в трусливой глубине чахлах душонок, не задушила их самих. Но виноватым Антон себя никогда не считал: он делал то, что умел, и так, как умел, – шил сапоги не лучше и не хуже никого, не столько по мерке, сколько по заученному фасону. Он даже не подозревал, что можно совершенствоваться в своей работе, потому что это было грязное, голодное, тяжелое и однообразно-скучное ремесло, постылое и нудное. Вздыхал же он оттого, что вечная жизнь в сыром и низком подвале, в запахе кожи и ваксы, впроголодь, без любви, света и радости, давила его организм к земле, и всегда, когда он разгибал спину,

ноющую от согнутого положения, ему казалось, что он с болезненным надрывчатым усилием подымает какую-то страшную, неодолимую, не дающую вздохнуть тяжесть.

– Н-ну... – выпускал тогда Антон.

Еще целый час, после ухода сердитого приказчика, он сидел, согнувшись в три погибели у еле коптящей лампочки, пугливо мигавшей от стука его молотка, и пригонял подборы к толстым и тяжелым сапогам соседнего дворника. А потом встал, оставил где попало инструменты, закрутил лампочку и вышел посидеть на лесенку, захватив с собой гармонию.

Теперь и на дворе были совсем сумерки, высоко вверх синие и призрачные, внизу на земле – черные и темные. Стены дома, стоявшие как колодезь, в котором был погребен Антон, казались бледными и синеватыми, точно мертвыми; над ними, где-то очень высоко вверх, виднелось потемневшее небо, и на нем блестели две-три звезды.

«Такое-то дело», – подумал Антон, сам не зная почему потрянул голосок и тихо растянул гармонию, нагнувшись к ней правым ухом.

Раздался пискливый и совсем слабый звук, но Антону показалось так громко, что он оглянулся вокруг и прислушался. Потом собрал гармонию и пустил звук еще глуше и ниже. Так он начинал всегда, потому что ему не позволяли играть во дворе, и Антон этими осторожными звуками хотел узнать, дома ли старший дворник.

И, как всегда почти, в отворенную форточку дворницкой выглянул кто-то, смутно видный в темноте, и из черного четырехугольника послышался сиплый и равнодушно свирепый голос:

– Опять... ты!

Антон вздрогнул, проворно отложил гармонию и виновато приподнял картуз. Но дворник не видел его и, проворчав что-то, точно прорычала большая собака, скрылся в форточке. Антон опустил руки между ногами и, ковыряя дыру в сапоге, задумался. Ему очень хотелось играть, и он думал о том, что хорошо было бы как-нибудь в воскресенье пойти на целый день за город, сесть где-нибудь под зеленым откосом железной дороги и поиграть всласть, так, чтобы в ушах запело. Ему было приятно думать это, хотя он прекрасно знал, что никогда не пойдет за город, потому что никогда не выберет столько свободного времени; по праздникам он утром ходил за кожей, днем разносил работу по заказчикам, а к вечеру всегда был пьян.

Антон сидел на лесенке, пока совсем стемнело, и вверх, между стенами, звезды заблестели ярко и свободно, а по стенам, снизу доверху, разбежались желтые огни окон. Когда Антон поднимал голову кверху, казалось светло и ярко весело, а когда смотрел вниз, там было еще чернее и мрачнее. Антон охотно, со странным тоскливо-радостным чувством смотрел на небо и на звезды; но привычка сидеть согнувшись все тянула его книзу и заставляла тупо впиваться глазами в сизо-черный мрак двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.